

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ

А.Л.Казин

MIKHAIL LERMONTOV AND RUSSIAN HISTORY

A.L.Kazin

Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, alkazin@yandex.ru

Традиционно поэтика М.Ю.Лермонтова характеризуется как романтическая. Вместе с тем у Лермонтова антиномически сочетались вера в милосердного и всемогущего Бога с чувством совершенной богооставленности и даже вражды к Творцу. Отсюда его Печорин-Демон, в чем он, разумеется, не оригинален (Байрон и др.), хотя не менее гениален. Порой у него в одном стихе оба взгляда на мир совпадают. Одной из идейных вершин его поэзии выступает «Песня про царя Ивана Васильевича...», в которой поэт развертывает именно православно-русскую художественную концепцию русской государственности.

Ключевые слова: *Православие, русская словесность, русская история, русская государственность, Лермонтов*

Traditionally, the poetry of M.Y.Lermontov is characterized as romantic. However, Lermontov antinomies combined faith in the merciful and Almighty God with a perfect sense of being forsaken by God and even enmity to the Creator. His Pechorin as the Demon he is, of course, not original (Byron, etc.), though no less brilliant. Sometimes in one verse both looks at the world are the same. One of the ideological peaks of his poetry is performed by "The Song about Tsar Ivan...", in which the poet deploys exactly Russian-Orthodox art concept of Russian statehood.

Keywords: *Orthodoxy, Russian literature, Russian history, Russian statehood, Lermontov*

Со школьной скамьи мы знаем, что Лермонтов — романтик, и это правда. Как знаем и его собственные слова о том, что он не Байрон, а другой — с русской душой. С детства помню его «Русалка плыла по реке голубой, озаряема полной луной. И старалась она доплеснуть до луны серебристую пену волны...». Да много чего ещё: «Три пальмы», «Скажи мне, ветка Палестины...», «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...». Однако есть у него и нечто совсем другое. Вот, например:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Подждал к себе другого
Из далеких чуждых стран.
За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.
Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!
Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит. [1].

Казалось бы, тот же романтизм. Однако не совсем тот. Главный романтик здесь — сам «трехнедельный удалец», который вздумал вызвать на бой русского великана, да ещё пол-Европы к себе на подмогу прихватил. Коронованный генерал буржуазной

французской революции против миропомазанного русского Царя и его тысячелетней Империи — это уже серьезно. Это спор о смысле истории, о её ценности и направлении. И «неведомый гранит» здесь — закономерный итог сражения, начавшегося при Бородине и закончившегося в марте 1814 года в Париже. Впрочем, об этом сражении Святой Руси с антихристовым своеволием писали и Толстой и Достоевский. А Константин Леонтьев прямо заявлял, что есть две силы в Европе — Россия и революция, и одной из них не жить. И спор великанов — об этом.

Или вот его знаменитая «Молитва»:
Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Таких православных стихов немного в русской поэзии. «Сердцу незлобному мир упования», яркое сияние иконы — это именно молитва, а не гордыня сердца, чему, собственно, и поклоняется романтизм. У Лермонтова поразительно сочетались — нераздельно и неслиянно — вера в милосердного и всемогущего Бога с чувством страшной богооставленности

и даже вражды к Творцу. Отсюда его Печорин-Демон, в чем он, разумеется, не оригинален (Байрон и др.), хотя не менее гениален. Порой у него в одном стихе оба взгляда на мир совпадают:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...

В тезисе этих стихов — ангел, любующийся голубым шаром земли из космоса; в антитезисе — тоскующий сатана, презирающий и ненавидящий священный дар жизни. Попробуй, раздели...

К Родине у него тоже особое отношение. До сих пор спорят, Лермонтов ли написал «Прощай, немытая Россия...». Но уж безусловно ему принадлежит «странная» любовь к Отчизне, когда поэта не волнует якобы слава, купленная кровью или заветные преданья старины, но зато он

Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Это он на себя наговаривает. Очень даже он любит «темную» старину. Об этом — вся «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Сколько сказано и написано про Лермонтова-свободолюбца, про Лермонтова-либерала и т.п., — а вот в этой «Песне» опять иной Лермонтов, и если уж романтик, то мечтает он (а романтик и есть мечтатель) о ... Русском Православном Царстве Иоанна Грозного.

Москва — Третий Рим — это прежде всего христоцентрическая природа государства и культуры. Киевская и Московская Русь — это теократия, в которой Бог освящает и ограничивает власть Государя. При рассуждении о Христианской симфонии, о церковном помазании на царство часто забывают, что Божье благословение на власть есть именно ограничение этой власти, а вовсе не обожествление ее как таковой. Царь (великий князь) отвечает за свой народ перед Богом — вот отличие русской Православной державы от восточной деспотии (царь как живой Бог) или западного абсолютизма (король как кажимость Бога, «король-солнце»).

Известны внешние условия превращения Москвы в Третий Рим. После захвата Константинополя войсками турецкого султана Магомета II (1453 г.), после гибели последнего византийского императора Константина XI и женитьбе Иоанна III на его племяннице Софье Палеолог к Москве перешел не только герб Восточной Римской империи — двуглавый орел, к Москве перешел статус единственной великой Православной державы. Хрестоматийно известны слова псковского инока Филофея, обращенные им к Василию III: «Третьего нового Рима — державного твоего царствования — святая соборная апостольская

Церковь — во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства Православной веры сошлись в твое царство. Один ты во всей поднебесной христианам царь... Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть: уже твое христианское царство иным не достанется». Инок Филофей прожил около ста лет, он общался с подобными посланиями и к Иоанну III, и, возможно, к Иоанну IV (Грозному) — но что означают эти обращения в историософском смысле?

Святая Русь — это христианская сторона света, в которой власть начинается не «снизу» (демократия) и не «сбоку» (плутократия), а сверху — от Бога. Имя «Святой Руси» и указывает на это обстоятельство, а вовсе не претендует на всеобщую праведность и святость. Первый Рим — языческий — обожествил самого себя в лице кесаря и пал под ударами варваров. Второй Рим — Православная Византия — вопреки ей же провозглашенному идеалу симфонии практически развела священство и царство (13), пошла на согласие с католиками (Флорентийская уния 1439 г.) и 14 лет спустя тоже пала под ударами мусульман. Москве как Третьему Риму выпала по промыслу Божьему колоссальной трудности задача — жизненно соединить в одно целое храм и престол, народ и Церковь, святую и бытие. Если в Киеве произошло, так сказать, первичное усвоение русской властью идеи священного призвания христианской державы (иначе она не заслуживает названия христианской), то в Москве со времен ее первых князей и митрополитов тайна государства была понята именно как тайна служения. Конечно, перед Москвой стояла в те времена и другая задача — освободить Русь от татар. Однако по существу руководителями Москвы эта задача всегда трактовалась как двуединая; и если на первых порах, в эпоху Ивана Калиты, идея собирания русских земель под московскую руку рисовалась по преимуществу прагматически, с точки зрения государственной пользы, то уже со времен Дмитрия Донского эта задача становится по сути прежде всего религиозной — вспомним благословение Сергия Радонежского, вспомним образ Спаса на стягах русского войска. Москву как русский национально-религиозный символ выпестовал не татарский полон, что бы по этому поводу ни говорили такие разные люди, как Герцен и Белинский, Федотов и евразийцы. «Москва, как много в этом звуке...» — это плод молитв и бдений преподобного Сергия, это сознательное, а еще более бессознательное переживание всем народом московским судьбы своей Родины как богоданной и богохранимой. Государственная власть на Москве есть точка приложения Божьего промысла — вот что такое онтология Третьего Рима в глазах москвичей. Идея государственной власти в России церковна — и потому Иосиф Волоцкий прямо утверждает, что «неправедный царь — не Божий слуга, но диавол». В отличие от первого Рима православный московский царь — не кесарь, а христианин, и потому Москва готова отдать ему не только кесарево, но порой и Богово. В этом встречном движении к соединению Бога и человека в истории и состоит замысел Святой Руси, потому и простерт покров Божией Матери над Россией ...

Чтобы убедиться в этом, достаточно продумать царствование Иоанна IV Грозного. Много материала для этого дает, в частности, его переписка с князем Курбским. Царство Иоанна IV обычно клянут как деспотическое — но какой деспот станет тратить столько времени и чернил для оправдания себя перед своим подданным? Более того, в качестве последнего довода в пользу защищаемых Курбским позиций Иоанн зовет его обратно на Русь — пострадать за правое дело, если тот считает себя правым. Как видим, и меч и золото в руках грозного царя служат Кресту, а не наоборот; что же касается жертв опричнины, то их число не превысило количества убитых одной Варфоломеевской ночью. Жестокость московского самодержавия есть оборотная сторона образа христианского владыки, в котором он предстает как суровый, но справедливый отец своего народа. Несмотря на тяжкие личные грехи, Иоанн находился в непоколебимом убеждении — и в этом его поддерживал весь российский люд, — что «Отец и Сын и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду» [2]. Сравните это с открытием героя Достоевского: если Бога нет, то какой же я капитан?

Не менее существенное, хотя и символическое значение имеет в истории иоаннова царствования его встреча с юродивым во время новгородского похода, как она описана современниками. Грозный царь отправился с войском на покорение непослушных псковичей и новгородцев — действие, вытекающее из общей логики построения централизованного русского государства. На улицах Пскова его встретил местный юродивый и предложил ему кусок мяса, а дело было в Великий пост. «Я — христианин и в пост мяса не ем», — ответил юродивому Иоанн. «А кровь христианскую пьешь?» — укорил его человек Божий. И самодержец всероссийский вместе со всей армией повернул назад... Идея Третьего Рима и заповедь «не убийц» сошлись в месте этой встречи, и Иоанн IV показал себя православным царем, который строил Святую Русь, при этом тяжело грешил, но когда грешил, то каялся. Таким он и остался в памяти народа.

Оценки Иоаннова царствования в позднейшей отечественной мысли и культуре оказались, как и следовало ожидать, весьма различными. К примеру, скульптор М.О.Микешин (вслед за Карамзиным) решительно отказался поместить фигуру Иоанна на своем памятнике Тысячелетию России в Новгороде. М.Ю.Лермонтов, напротив, посвятил грозному царю целую поэму. Попытаемся медленно вчитаться в нее — такой (герменевтический) подход приведет нас к любопытным выводам.

Начнем с самого названия — «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Как видим, царь здесь на первом месте, хотя главным трагическим лицом поэмы является купец Калашников.

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!

Про тебя нашу песню сложили мы... —

это не просто стилизованный былинный зачин, а трезвое христианское осознание того места, которое занимает в русской вселенной московский государь.

Что бы ни происходило в стране, на Красной площади, в отдаленной деревне — это происходит в кругозоре Православного царя, сияющего, однако, не своим, но Божьим светом: вот исток лермонтовского зачина. Для теплохладного западного взгляда — это «цезарепапизм», для Константинополя — это почти недостижимый идеал, для Киева — это осуществление его упования, а для Москвы — это обычная, даже обыденная действительность, «реализм действительной жизни, господа». Таково, нравится кому-либо это или нет, само царское положение, идеальная топология царя:

Не сияет на небе солнце красное,

Не любуются им тучки синие.

То за трапезой сидит во златом венце,

Сидит грозный царь Иван Васильевич...

Итак, царь на Москве рядом с солнцем и тучками — но он не само Солнце. Он не себе служит — «не моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42). Потому и служба русскому царю — не личная, а сверхличная, потому и нельзя грустить на пиру у русского царя:

Неприлично же тебе, Кирибеевич,

Царской радости гнушаться;

А из роду ты ведь Скуратовых,

И семьею ты вскормлен Малютиной.

В этом пункте Лермонтов доводит до предела противостояние либеральной и Православной концепции Иоаннова царствования. Кирибеевич, оказывается, не просто опричник, но еще и Скуратов — из того рода, на котором, как утверждают, кровь митрополита Филиппа. Однако для лермонтовского воззрения на Иоанна это не составляет непреодолимого препятствия; напротив, тем больше ответственность, лежащая на царских слугах, и нести ее они должны не за страх, а за совесть, и на пиру, и в бою. Царская служба, как и царская радость — это соборная служба и соборная радость всей земли, «народная монархия», где народ принимает правителя не по удобству своему, а по смотрению Божию.

Пожалуй, один из сильнейших эпизодов поэмы — это суд Иоанна над купцом Калашниковым, а, по существу, над всеми действующими лицами. Любимый опричник убит в честном бою, и, таким образом, получил свое, а вот что касается остальных:

Хорошо тебе, детинушка,

Удалой боец, сын купеческий,

Что ответ держал ты по совести.

Молодую жену и сирот твоих

Из казны моей я пожалую,

Твоим братьям велю от сего же дня

По всему царству русскому широкому

Торговать безданно, безошлинно.

А ты сам ступай, детинушка,

На высокое место лобное,

Сложи буйную головушку,

Я топор велю наточить-наострить,

Палача велю одеть-нарядить,

В большой колокол прикажу звонить,

Чтобы знали все люди московские,

Что и ты не оставлен моей милостью.

Коротко говоря, в этом отрывке раскрыта харизматическая структура царской власти. Во-первых,

на Святой Руси есть перед кем ответ держать: не перед вздорной толпой и не перед бездушным законом, а перед грозным Царем, у которого есть совесть (совесть) и над которым есть Бог. А пострадать за правое дело — это Христианский венец. Только нынешний безбожный либерализм видит высшую справедливость во взаимном потакании в грехе. Умел дерзать — умей и ответ держать: или грудь в крестах, или голова в кустах.

Во-вторых, жена, дети и братья купца Калашникова не только не унижены, но, наоборот, возвышены царской милостью: они одарены из казны, им позволено торговать по всей Руси. Более того, идеально возвышен и сам казнимый: топор наточен, палач наряжен, и в большой колокол на Москве звонят... Так казнят не злодеев или государственных изменников — так отец казнит сына, нарушившего его высшую волю («я тебя породил, я тебя и убью»). По сути, сын купеческий Калашников умирает как подвижник, пострадавший за Третий Рим, за то, чтоб и дальше царское место было рядом с солнцем и звездами. Разумеется, тут отсутствует гуманистическое милосердие, всепрощение, но зато соблюдена Божья заповедь: «У Меня отмщение и воздаяние» (Втор. 32:35). И последним доводом в пользу такого положения служит то обстоятельство, что жена и братья Калашниковы и весь люд московский, и даже сам Калашников воспринимают царский приговор как внутренне справедливый:

...И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Итак, государственно-общественная жизнь золотой Руси отличалась не механически-юридическим совершенством форм, благодаря которым справедливость достигается как бы автоматически (т.е. не по-христиански), а именно нацеленностью всех своих отношений на Истину, которая сама по себе не от

мира сего и потому требует если не подвига, то усилия для своего воплощения. Об этой особенности русской «политической этики» хорошо сказал С.А.Аскольдов в 1918 г.: «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку Крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те, и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех часто ясно не сознаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной» [3]. Добавлю, что дело тут не в «рабах» и «рабовладельцах» (остатки просветительской терминологии у Аскольдова), дело в сообща несомом Кресте, по отношению к которому и те, и другие равно грешны и равно святы.

Вот каких глубин касается Лермонтов. Истинно русский поэт.

1. Здесь и далее сочинения Лермонтова приводятся по изданию: Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Н.Ф.Бельчиков, Б.П.Городецкий, Б.В.Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957.
2. Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 12.
3. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. М., 1991. С. 233.

References

1. Lermontov M.Yu. Coll. works in 6 vols. Moscow; Leningrad, 1954—1957.
2. Pervoe poslanie Ivana Groznogo knjazju Kurbskomu [The first message of Ivan the Terrible to Prince Kurbsky]. In: Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim. Leningrad, 1979, p. 12.
3. Askol'dov S.A. Religioznyj smysl russkoj revoljucii [The religious meaning of the Russian Revolution]. Iz glubiny. Moscow, 1991, p. 233.